

Дж. Э. О. Найт

В ЗАЩИТУ ГЕРМАНИИ

Перевод с английского, 2018 г.

Оригинал: G.E.O. Knight, In Defence of Germany, Golden Eagle Publishing Co., Fetter House, Fetter-Lane, London E.C.4, 1934.

Цифровая версия Scriptorium, 2009.

Предисловие

Я с большим удовольствием хочу написать здесь несколько слов в качестве предисловия к двадцатому изданию (20-тысячный тираж) превосходной *брошюры* господина Дж. Э. О. Найта в ее пересмотренной форме. Господин Найт прекрасно понимает трудности, с которыми сталкивается новая Германия, и, что одинаково важно, он обладает справедливым и независимым суждением. Мы, немцы, чувствуем себя благодарными ему, и всем нашим английским друзьям, которые постарались, чего бы им это ни стоило и какие неудобства бы ни вызвало, изучить нашу революцию без предубеждения. Я искренне надеюсь, что эта брошюра будет прочитана во всей Англии, и что она поспособствует лучшему взаимопониманию между Великобританией и Германией.

Баронесса фон дер Гольц,
Рогцов, Германия
10 августа 1934.

Личное примечание

Некоторое время назад горстка англичан, мужчин и женщин, все прогермански настроенные, и все стремящиеся увидеть лучшее и более близкое понимание между этими двумя странами, узнали, что в их направленной на поиск взаимного согласия работе им в значительной степени мешают сообщения о событиях в Германском Рейхе, которые получили широкое распространение без какого-либо проявления неодобрения из официальных немецких источников. Не то, чтобы мы хотели, чтобы считалось, что достоинству немецкого или любого другого правительства пошло бы на пользу, если бы они изо всех сил старались опровергать утверждения, которые уже по первому впечатлению явно абсурдны, и опубликованы для того, чтобы служить политическим целям. Но нужно честно признать тот неопровержимый факт, что Германия сегодня в культурном отношении изолирована от остальной части мира. В основном, это происходит из-за новой формы правления, существующей теперь в Германии,

хотя очевидно, что это вопрос, который касается одних только немцев, и вовсе не наше дело его обсуждать.

Но мы не думаем, что Германия сегодня ведет себя самым лучшим образом. Без сомнения, причинами этого является тот факт, что она была разорвана внутренней борьбой и навязчивым страхом того, что коммунизм и другие подрывные формы правления даже сегодня все еще способны причинить стране безграничный вред, если не использовать сильную руку, чтобы их контролировать. С учетом того, что немецкая культура прежде вызывала восхищение и вдохновение у каждого вдумчивого мужчины и женщины во всем мире, то за последние два или три года был серьезный регресс в ее вкладе в литературу. Мы думаем, что это всего лишь мимолетная фаза. В это время мы можем только работать во благо англо-немецкой дружбы, осознавая тот факт, что, разгоняя эти облака, мы надежно достигнем тех целей, к которым стремимся – Справедливости для Германии и Мира во всем мире.

*Комитет Друзей Германии
6 июля 1934.*

Предисловие

Кто стоит за нынешней беспрецедентной антинемецкой кампанией в нашей стране? Каковы их побуждения? Все факты указывают на существование в главных городах Европы и Америки некой международной организации, цель которой состоит в том, чтобы дискредитировать эту страну, которая за последние двадцать лет пострадала больше, чем кто-то другой когда-либо в истории. Нынешняя оргия клеветы и оскорблений является недостойной, если не использовать более сильное слово.

Самый зловещий аспект этой кампании – попытка, через международную прессу, свергнуть существующий европейский порядок и традицию и поставить у власти коммунистов. Сколько раз нужно еще повторить, что *режиму* Гитлера в Германии нет никакой альтернативы, кроме коммунизма. Как только коммунизм получит контроль там, он быстро распространит свое злое влияние на все страны Европы. Я не могу поверить, что найдется хоть один ответственный англичанин, который хотел бы видеть, как Германский Рейх попадает в руки коммунистов. Каждая статья, которая появляется в лондонской и провинциальной прессе сегодня против Германии и ее правительства, является прямым подстрекательством в пользу коммунистов.

Если кто-либо подвергает сомнению истинность этого утверждения, то пусть он почитает ликоующую коммунистическую прессу, *которая хвастается тем, что все страны на их стороне, если речь идет о Германии.* Британская пресса однажды поймет значение того, что они теперь делают и проклянет тот день,

когда они начали поощрять антинемецкую кампанию. Это обоюдоострое оружие, применение которого чревато самыми серьезными последствиями, возможно, в настоящее время не так для Англии, но, конечно, для самых близких соседей Германии, которым суждено будет «проникнуться» коммунистической теорией правления, как только эта теория утвердится в Германском Рейхе.

Дж. Э. О. Найт,
Лондон, Е.С.4.
5 июля 1934

В защиту Германии

1.

Если судить, исходя из фактов истории, то можно заметить, что нациям не позволяют надолго управлять своей жизнью и делами самостоятельно без внешнего вмешательства. Одних только двадцати последних лет достаточно, чтобы доказать истину этого очень недооцениваемого факта. Начиная с Пермирия, различные европейские страны принимали против Германии меры, которая были направлены на настоящее разрушение и деградацию этой страны и ее народа. Это верно, что проводимая политика принесла экономическое опустошение миру в целом, и создала ситуацию, конец которой пока еще трудно определить. Так же, как Германию перед войной обвиняли в том, что она желала войны, так ее обвиняли и в самой войне. Она стала богатой, и нуждалась в сильном флоте, чтобы защищать свои экономические и политические интересы. Англия наблюдала за каждым ее движением, как кошка наблюдает за мышью. Она видела, или предполагала, что видит, как ее рынкам угрожают всюду. Растущее влияние Германии было постоянным источником беспокойства для британских политиков и промышленников.

В Лондоне в газетах началась пятилетняя антигерманская кампания; это привело к значительному ожесточению, взаимным обидам и недоразумениям на обоих берегах Северного моря. Как кажется, почву медленно готовили к чему-то большому; к этому относились и семена ненависти и обоюдного недоверия. Парламент не вмешивался в «великолепные и с трудом завоеванные свободы британской прессы». Гонка вооружений шла полным ходом; подстрекатели войны пожинали немалые прибыли от своего патриотизма. «Мы хотим восемь, и мы не будем ждать» (имеются в виду восемь дредноутов для британского флота – прим. перев.), таким было превалирующее настроение в стране. Об этом никто никогда не забудет. На бывшего кайзера всюду публиковали карикатуры, и он стал посмешищем в Великобритании. Шпиономания была необузданной. Когда война началась на самом деле, со стороны Уайтхолла потребовались лишь небольшие усилия, чтобы убедить британскую общественность в

том, что Германия, и одна только Германия, были ответственны за начало вооруженного конфликта. Никто, кроме сумасшедших, не думает так сегодня.

В то время как некоторые из более глупых среди нас тоскуют по возвращению к довоенному статус *кво* (*status quo ante bellum*), другие требуют еще одной войны с Германией из-за каких-то пока еще не названных конкретно злодеяний, которые она совершила или же совершит, если ей позволят перевооружиться. В конце последней войны у европейских стран была великолепная возможность показать свой характер и доказать свою честь в том, что касается разоружения. Вопрос этот рассматривался Лигой Наций много лет. Проводились одна конференция за другой – и все без пользы.

Старая двойная игра лжи и подтасовок вызвала такое отвращение у немецкой делегации, что Германия покинула последнюю конференцию, и Лига Наций убедилась, что **у европейских стран никогда не было ни малейшего намерения разоружаться ни тогда, ни в любое другое время.** Теперь, конечно, Германию обвиняют в провале конференции.

2.

Похоже, что требуется международная реорганизация политических и экономических систем каждой страны. Нынешняя система не сможет продержаться долго, это здание уже раскалывается самым зловещим образом и скоро обрушится нам на головы. Если мы не будем очень осторожны, то силы против нас окажутся слишком мощными для государственных деятелей, и не одна Европа, но и весь мир будет втянута в самый большой холокост, который когда-либо рискнул устроить человек. Призрак коммунизма бродит по каждой стране. Одного лишь факта, что у нас нет никакого очевидного решения, чтобы справиться с нынешними гигантскими трудностями, достаточно для того, чтобы указать на банкротство Парламента и политиков. Изменение взглядов могло бы иметь большое значение для решения некоторых из наших проблем, но уменьшит ли надвигающийся поток свою ярость, пока люди будут думать о таких вещах? Немцы – это все еще очень великий народ, обладающий независимой волей, упрямой энергией и храбростью, с бессмертной любовью к их стране, это люди, которые, в их динамике, занимаются больше кинетикой, чем статикой.

3.

Случайный взгляд на колонки прессы этой страны (Великобритании – прим. перев.) вызывает, по меньшей мере, тревогу. Там можно снова увидеть многие из старых, еще военных времен историй и их разновидностей, и каждый мыслимый прием, известный поджигателям войны в особенности и их союзникам

вообще, используется для того, чтобы возбудить наихудшие страсти в наименее интеллектуальной части населения – у мужчин и женщин, у которых нет возможности, времени, желания или даже денег, чтобы бороться с чем-то, что столь широко распространяется. Чтобы найти параллель с нынешней газетной болтовней, нужно вернуться в годы, предшествовавшие началу войны в 1914 году. Долгое время желтая пресса Великобритании проводила газетную кампанию против Германии, требуя больше линкоров, больше оружия, и более многочисленной армии, да, даже выступая за воинскую повинность, чтобы противостоять «экспансионистской» политике Германской империи.

Едва ли в этой стране найдется газета или журнал, который предоставит свои страницы для описания реалий немецкой ситуации. В действительности все, что хоть как-то благоприятно в отношении *режима* Гитлера, отвергается с самым глубоким презрением, в то время как самого автора громко обвиняют или тихо подозревают в том, что он за деньги служит Рейху.

4.

Британская пресса фактически единодушна в том мнении, что наши бывшие враги стремятся к реваншу, что члены нацистского правительства – головорезы, воры, лгуны и даже убийцы; что ничего хорошего никогда не может прийти от немецкого правительства; что было бы лучше прямо теперь вторгнуться в Германию и сокрушить нацистов, а не ждать, пока немцы перевооружатся. Почти каждую новость фальсифицируют и преувеличивают, чтобы она удовлетворяла нуждам нынешней кампании лжи.

5.

В корне этого зла лежит политика. Бывшие союзники и связанные с ними государства, естественно, стремятся спасти свою репутацию из-за того, что они **не выполнили свою часть обязательств по Версальскому мирному договору**. Что лучше всего извинило бы их за то, что они этого не сделали, нежели тот факт, что Германия перевооружается? Германии, так они неявно утверждают, нельзя позволить восстать их пепла, или если она это и делает, то она не должна находиться под руководством демагогов.

Главный лейбористский орган Лондона видит в немецкой «диктатуре» нападение на «свободу», которой обладают британские «рабы на зарплате» этой страны. Эта газета проклинает любую форму тирании, за исключением той, которую осуществляет Британский конгресс тред-юнионов. Она ненавидит британских коммунистов и изгоняет их из членов Национальной лейбористской партии, но немецкий коммунист – это брат, и его арест и лишение свободы в концентрационном лагере – это преступление против цивилизации! Ев-

реев Германии, независимо от того, кто они – лидеры немецкой коммунистической партии или люди, занятые «большим бизнесом», ни в коем случае не должны трогать жестокие нацисты!

6.

Перед мартовской революцией 1933 года евреи в Рейхе наводнили множество правительственных ведомств и пользовались самыми большими привилегиями в каждой профессии и в любой сфере деятельности. Они были основными организаторами немецкой коммунистической партии, и их отождествляли с каждой из враждующих политических сект в стране. Во всех отношениях они оказались чрезвычайно способными бизнесменами и политиками. Многие стали очень богатыми. Почти каждый немецкий военный спекулянт был евреем; коренной немец, кажется, с чувством позора и ужаса относился с самой мысли делать деньги за счет своей страны во время ее великой беды. Нельзя отрицать, что евреи – умные и симпатичные люди, что они внесли очень существенный вклад в науку, литературу, искусство и музыку. Но то, что один процент населения Германии навязал бы свои правила, свою власть и культуру – какой бы выдающейся эта культура ни была – семидесяти миллионам коренных немцев, это невероятно, если не использовать более сильное слово. В современной Германии этого не будет. Это было бы явно враждебно интересам Германии, и если читатель возразит, то пусть он спросит себя, терпели ли бы в нашей стране еврейское руководство в Палате общин, и если даже да, то как долго. Так, когда терпению нацистов пришел конец, и многих евреев уволили с их постов, евреи во всем мире взяли за оружие и с помощью прессы и публичных митингов в Лондоне и провинциях осудили немецкое правительство в самых резких выражениях.

Немцы взяли в свои руки управление своей страной, и на радость или на беду, они решительно настроены на то, чтобы сохранить это свое положение. Немцы имеют полное право самим решать, какую форму правления они предпочитают; нам будет только во вред, если мы станем диктовать им.

7.

Близится время, когда министерства иностранных дел всех стран должны беспристрастно пересмотреть позицию зарубежных корреспондентов. Необходимы своего рода понимание или соглашение. К сожалению, хорошо известно, что зарубежные корреспонденты порой злоупотребляют своими привилегиями. Искушение преувеличить правду; ограничения, наложенные на них представителями их собственных стран, вред, причиняемый редакторами новостей, которые настаивают на том, чтобы телеграфные отчеты были не достоверными, а сенсационными, вызывающими «ужас», все это вопросы, требующие

расследования. Я склоняюсь к тому, чтобы карать по закону любого зарубежного корреспондента, который отправляет ложные или преувеличенные сообщения о событиях в другой стране, когда его единственная цель состоит в том, чтобы причинить вред этой стране, потому что его собственное правительство проводит политику, направленную на то, чтобы скомпрометировать эту другую страну в политических целях.

Британское министерство иностранных дел хорошо знает, что много людей, работающих в зарубежных странах в качестве корреспондентов газет, используются там в целях шпионажа. Во время моих поездок по европейским столицам я встречал корреспондентов, которые открыто хвастались тем, что их использует секретная служба той или иной страны, и они пользуются гостеприимством людей, которых они позже умышленно предавали. Это, скажете вы, все является частью бизнеса. Но я сожалею о том, что зарубежные корреспонденты не оказываются выше подозрений и не посвящают себя своей четко определенной работе и одной только этой работе.

8.

Недавние случаи в Германии не способствовали престижу и интересам британских иностранных корреспондентов, аккредитованных в этой стране. И хотя Флит-Стрит затушевала реальную проблему, всюду чувствуется, что профессии зарубежного корреспондента был нанесен непоправимый ущерб людьми, чувство долга которых было оттеснено на задний план глупым стремлением к сенсациям, преднамеренной ложью, и даже шпионажем. Если эти люди хотят играть роль шпионов, то было бы лучше и более благородно для них и для их страны, если бы они и далее занимались этой своей работой, но не маскировались бы как зарубежные корреспонденты. Британское правительство не предлагает защиту профессиональному шпиону, хотя он и находится на службе государства. Он знает условия, связанные с его работой, и берет на себя все риски. Колонки, полные самых жалостных рыданий были недавно напечатаны и опубликованы одной известной лондонской утренней ежедневной газетой, когда ее берлинского корреспондента «со всеми потрохами» вышвырнули из Германии. В Палате общин задавали вопросы о «неуважении и произволе», и сэру Джону Саймону было довольно трудно на них отвечать. Министр иностранных дел, конечно, приложил все свои усилия для этого высланного человека, но ему нужно было также учесть – и удовлетворить – Германию.

9.

Британские зарубежные корреспонденты в Германии в настоящее время оказались в весьма неприятном положении, и среди нас сегодня найдутся лишь немногие, кто завидует им в их работе, или кто хотел бы заняться ею, если бы

это ему предложили. Никогда еще статус британского зарубежного корреспондента в Германии не был так низок, как сегодня, и, я боюсь, пройдет еще много лет, прежде чем позорное клеймо, появившееся на этой профессии, будет смыто. Если невинный страдает наряду с виновным, то вина лежит на работодателях людей, совершенно неподходящих для их должностей. Это вопрос международного значения, чтобы только самые лучшие и самые заслуживающие доверия люди работали зарубежными корреспондентами газет.

10.

Международное еврейство в настоящее время, кажется, разрушает все самое лучшее в британской журналистике, и делает это ради цели, которая является как ничего не стоящей, так и бесполезной. Если британская журналистика упадет до уровня сточной канавы, то в этом, конечно, обвинят евреев.

11.

Убежденный в том, что пресса этой страны проводила политическую кампанию против Германии, я решил сам поехать в Берлин и заняться свободными и независимыми исследованиями на месте. Я был решительно настроен делать там все то, что мне нравилось, и когда я добрался туда, никто не вмешивался в мои движения. Я убедился, что Германия – сравнительно свободная страна, намного свободнее, чем некоторые из ее соседей. Мои собственные взгляды не всегда были приемлемы для моих друзей, к которым я могу причислить евреев и неевреев, нацистов и коммунистов, демократов и социалистов. Я обнаружил, что если человек является нацистом, это не препятствует ему придерживаться взглядов, которые немногие члены Лейбористской партии моей собственной страны высказали бы своим «товарищам» по Национальной лейбористской партии! Молодая Германия страстно интересуется социальными и политическими вопросами; я очень хотел бы, чтобы британский рабочий демонстрировал такой же интерес и интеллект в вопросах, которые имеют отношение к его благосостоянию. Мои посещения концентрационных лагерей были чрезвычайно интересны и напомнили дни моего собственного интернирования в Австро-Венгерской монархии во время войны. Следовательно, я чувствовал, что мог считать себя кем-то вроде эксперта по концентрационным лагерям вообще. Я был в курсе всех уловок комендантов лагерей в Зонненберге и Ораниенбурге, где у меня были свободные и личные контакты со многими из заключенных, без какого-либо вмешательства со стороны лагерных комендантов или их помощников. Я на самом деле дал понять ответственным властям, что, если мне без существенной причины не дадут возможности делать то, что я сам хочу, то я не приму приглашение посетить лагерь. Я был также очень поражен многими рабочими лагерями, которые я посетил, и большими усилиями, которые немецкое правительство в настоящее время прилагает для улучшения положения безработных.

Я не видел убийств евреев или нападений на них. Порядок и чистота были повсюду. Любезность, дружелюбие и доброта со стороны всех встречали меня всюду, куда бы я ни шел. Мои частные беседы с евреями многое мне разъяснили. Они не подтверждали то, о чем писали британские газеты. Из мухи делали слона, из комической оперы – мелодрамы. Большинство «нападений» было совершено излишне рьяными молодыми людьми, и в почти каждом случае они состояли из «стука» на неудачливых людей, которые не были особо почтительны к новому режиму. Физический вред был очень невелик, моральный, возможно, очень значительный. Законы, касающиеся свободы передвижения евреев, являются, по сути, такими же, как и для других людей.

Большая часть проблемы, которая возникла, не имеет никакого отношения к давно и постоянно проживающим в Германии немецким евреям, многие из которых все еще работают на правительство в различных сферах деятельности. Но есть приблизительно 80 000 нежелательных евреев, от которых Германия хотела бы избавиться навсегда, и она охотно выслала бы их всех в Великобританию или Соединенные Штаты Америки, если бы поступило обращение с такой просьбой. Это те евреи, которые после Перемирия проникли в страну и создали ситуацию, которая нанесла Германии значительный социальный и политический вред. Среди этих нежелательных лиц есть убийцы, бывшие преступники, потенциальные воры, мошенники-банкроты, сутенеры, торговцы людьми, нищие и политические беженцы. Многие прибыли из стран Балтии, другие из Польши, и довольно много – из России.

Рано или поздно «еврейский вопрос» в Германии будет естественно решен, как в действительности он будет решен и в других странах. Самый лучший выход из существующего тупика состоит в том, чтобы рассматривать всех евреев как иностранцев, каковыми они действительно являются по своим традициям, расе и культуре, и распространить на них те же самые привилегии, такое же вежливое обращение и понимание, как их предоставляют всем иностранцам.

12.

Пресса мира, в общем и целом, не пыталась интерпретировать взгляды немецкого правительства на еврейский или любой другой вопрос. Кампания сообщений о «нападениях» привела к тому, что тысячи туристов не поехали в Германию, и в Берлине прошлым летом практически все отели и пансионаты были пусты. Горстка британцев и американцев, с которыми грубо обращались некоторые молодые нацисты, приняв их за своих собственных соотечественников, из-за того, что те не отдавали нацистское приветствие, стала поводом для дипломатических протестов, но в Великобритании не напечатали ни слова об извинениях, которые высказало немецкое министерство иностранных дел. Вытщетно искали бы любой такой щедрый жест со стороны Флит-Стрит.

Положение немного остыло с тех пор, когда я уехал из Германии, в том, что касается «еврейского вопроса». Британская общественность, всегда медленно доходящая до правды, теперь задает неприятные вопросы. Действительно ли все это было правдой? Кто стоял за статьями о «зверствах»? Управляют ли британской прессой евреи? В чьих руках находится власть над Флит-Стрит? Действительно ли пропагандистская кампания была лишь дымовой завесой, чтобы скрыть провал конференции по разоружению? Увидели ли еврейские интересы вооружения Великобритании возможность запугать общественность, чтобы та поверила, что *безоружная* Германия готовится к войне реванша? Следует ли позволить общественности знать о том, что **Германия – это единственная страна, которая соблюдала Версальский мирный договор?**

13.

Из **мирной политики** герра Гитлера я выберу отрывок из речи, произнесенной рейхсканцлером 14 октября 1933 года, который говорит сам за себя:

«Я говорю от имени всего немецкого народа, когда говорю, что все мы самым искренним образом желаем выкорчевать вражду, жертвы которой никоим образом несоразмерны любой возможной выгоде.

«Немцы убеждены, что их честь осталась чистой и незапятнанной на тысячах полей сражений, так же, как они видят во французском солдате только своего давнего, но славного противника. Мы, и весь немецкий народ, должны все быть счастливы при мысли, что мы смогли бы уберечь наших детей и детей наших детей от того, что мы сами, как честные мужчины должны были наблюдать за эти долгие и горькие годы, и от чего нам самим пришлось страдать. История последних ста пятидесяти лет, со всеми ее различными изменениями и возможностями, должна была бы преподать нам обоим, по крайней мере, один урок: что важные и долговременные изменения больше не могут быть куплены ценой кровавых жертв. Я, как национал-социалист, и все мои последователи, абсолютно отказываются, однако, исходя из наших национальных принципов, от того, чтобы приобретать за счет жизни и крови тех, кто любит нас и дорог для нас, мужчин и женщин какой-либо иностранной нации, которые в любом случае никогда не будут любить нас. Это был бы день неописуемого благодеяния для всего человечества, если бы эти две страны смогли раз и навсегда устранить идею насилия из своих взаимоотношений; немецкий народ готов сделать это.

«Смело отстаивая права, которые сами по себе соглашения дают нам, я, однако, столь же смело заявляю, что в будущем для Германии не будет больше территориальных конфликтов между этими двумя странами.

«После возвращения Саарского бассейна в Рейх было бы безумием думать о войне между этими двумя государствами. Для такой войны больше не могло

бы быть, с нашей точки зрения, никакого разумного или морального оправдания.

«Потому что никто не мог бы потребовать, чтобы миллионы молодых жизней были убиты, чтобы исправить существующие границы. Такое исправление имело бы проблематичный масштаб и еще более проблематичную ценность».

Продолжая свою речь, герр Гитлер сказал:

«Прежние немецкие правительства доверчиво вступили в Лигу Наций в надежде на то, что она окажется форумом для справедливого урегулирования национальных интересов, но в первую очередь для честного примирения между бывшими противниками. Но предпосылкой для этого было бы признание окончательного восстановления равноправия немецкой нации. Германия принимала участие в конференции по разоружению на таких же условиях. Быть дисквалифицированным до уровня участника без равных прав такого учреждения или конференции – это невыносимое оскорбление для шестидесятипятимиллионного народа с чувством собственного достоинства, и для правительства со столь же сильным чувством чести.

«Немецкая нация более чем выполнила свои обязательства относительно разоружения. *Теперь настал черед вооруженных до зубов государств выполнить подобные обязательства в не меньшем объеме. Немецкое правительство принимает участие в этой конференции не для того, чтобы торговаться из-за нескольких пушек или пулеметов для немецкой нации, но чтобы сотрудничать как фактор с равными правами в общем умиротворении мира. Германия имеет не меньше прав на безопасность, чем другие страны. Если английский министр, господин Болдуин, представляет как очевидное то, что для Англии разоружение может пониматься только как разоружение более сильно вооруженных государств одновременно с увеличением вооружений Англии до общего уровня, то было бы несправедливо упрекать Германию, если она как член конференции с равными правами придерживается таких же взглядов в своем собственном вопросе. Требование Германии в этом отношении не может составлять угрозу другим державам. Потому что укрепления других стран построены для того, чтобы противостоять самому мощному наступательному оружию, в то время как Германия требует не наступательного оружия, но только того оборонительного оружия, которое не запрещено даже в будущем, но санкционировано для всех стран. И также в этом случае Германия готова с самого начала удовлетвориться в количественном отношении тем минимумом, который совершенно непропорционален в сравнении с гигантскими запасами наступательного и оборонительного оружия наших бывших противников. Намеренная дисквалификация нашей страны, однако, состояла в том, что очевидное право было предоставлено каждой стране в мире, и в нем было отказано только нам, что мы воспринимаем как увековечивание дискриминации, которая невыносима для нас. Я уже заявил в своей призывающей к миру*

речи в мае, что в таких условиях мы, к нашему сожалению, больше не имели бы возможности оставаться членом Лиги Наций или принимать участие в международных конференциях».

14.

Если бы меня спросили, что больше всего занимает умы средних мужчин и женщин в сегодняшней Германии, то я решительно ответил бы – *страх перед вторжением*. Что сделали соседи Германии, чтобы рассеять этот комплекс страха? Невооруженная Германия – это анахронизм и самая большая опасность для мира в Европе.

15.

В августе 1933 года было приблизительно семь тысяч политических заключенных, интернированных во всей Германии. Из этого числа приблизительно семьсот были коммунистами, интернированными в Ораниенбурге. Территория этого лагеря – это территория заброшенного пивоваренного завода; там нет никакой проблемы с местом, ибо его площадь достаточно велика для заключенных и для их ста охранников. Не больше чем сто из этих семисот интернированных принадлежали к *классу интеллигенции*. Оставшиеся были рабочими, многие из которых были слабоумными. Некоторые уже отбывали сроки заключения за преступления иные, нежели политические, среди которых преобладали евреи. Дисциплина в лагере была твердой. Каждый человек получал определенную работу, которую он должен был сделать, но к этому не всегда принуждали. Подъем в лагере был в шесть утра, а вечером весь свет выключали в 21:30.

Еда состояла из завтрака, обеда, ужина с мясом, подаваемого ежедневно за исключением пятниц. При лагере был медпункт, которым заведовал немецкий доктор. В случае серьезной болезни больных отправляли в местную больницу. В среднем десять человек в день являлись к врачу с жалобами на здоровье, и, как правило, из этого количества только два или три обычно действительно нуждались в лечении. В лагере занимались различными ремеслами, такими как плотницкие работы, портняжное и сапожное дело. Часть лагеря была выделена для того, чтобы мыться. Мне показали души и места, где можно было загорать. Была также прекрасная спортплощадка. Спальные помещения были оснащены деревянными кроватями и соломенными матрацами, с тремя одеялами для каждого заключенного. Рабочие часы были с 7:00 до 11:30, и с 13:00 до 18:00. Конечно, в лагере была организована библиотека. Посетителям разрешали визит один раз в неделю, и их принимали в столовой, которая размещала приблизительно триста человек. Были отдельные помещения для музыкальных спектаклей и театральных представлений.

В дополнение к полностью бесплатному питанию и проживанию каждый из заключенных получал от 10 до 12 рейхсмарок в неделю, что представляло собой выплату его пособия по безработице. Ежедневно проводились занятия по этике, религии, новой форме правительства в Германии, истории, языкам для всех, кому это было интересно. Преступлений среди заключенных в лагере было мало или не было вообще. Хороший порядок царил среди всех классов. Охранники ели ту же пищу, что и заключенные, и подчинялись той же дисциплине, что и интернированные, хотя они были правительственными чиновниками. Один из охранников был гессенским принцем! Письма и посылки подвергались проверке. Ни в одном случае из полученных многих тысяч не было признано необходимым уничтожить какое-либо отправленное письмо или посылку. Газеты были разрешены и курение позволено. Когда заключенный желал закурить свою трубку или сигарету, он должен был подойти к охраннику. Тот мог дать заключенному прикурить, поскольку заключенным не давали спичек.

Каждое воскресенье проводились церковные службы, и большинство заключенных пользовалось этой возможностью. Власти никак не мешали мне фотографировать лагерь и заключенных. Заключенные были в прекрасной физической форме. Услышав очень много ужасных историй о зверском обращении, которому подвергались коммунисты конкретно в этом лагере, я попросил, чтобы некоторые из заключенных доверились мне и рассказали мне правду об этих утверждениях. Многие смеялись «над отъявленными капиталистическими лгунами из вашей страны!» Я взял наугад пятнадцать мужчин и попросил, чтобы они разделись в моем присутствии. Я хотел увидеть, были ли у них на теле какие-нибудь следы насилия. Я не увидел никаких доказательств побоев или иного плохого обращения.

Когда я спросил, могу ли я помочь кому-то из заключенных, один молодой коммунист вышел вперед и жалостным тоном спросил, не могла ли бы теперь Англия поставлять в Германию сырье, чтобы в Фатерланде, наконец, опять начали работать заводы!

16.

Мне не нужно давать подробности моего посещения концентрационного лагеря в Зонненберге, поскольку там были точно такие же условия, что и в Ораниенбурге.

17.

Так как истории о голодании заключенных в немецких концлагерях распространялись по всему миру, я прилагаю здесь режим питания заключенных,

начиная с даты их интернирования. И в Ораниенбурге, и в Зонненберге я воспользовался случаем, чтобы расследовать вопрос об этом голодании, и, задавая вопросы, узнал, что статьи о голоде в лагерях не соответствуют действительности. За исключением лишения личной свободы, не было никаких жалоб, несмотря на то, что заключенным дали все возможности, чтобы говорить со мной конфиденциально, и не боясь того, что их могут подслушивать чиновники. Вот ежедневное тюремное *меню*: 1000 граммов хлеба, 500 граммов картофеля, мясо, за исключением пятниц, суп (с квашеной капустой), чай или кофе, овощи (капуста или картошка), рыба (по пятницам). Заключенных из списка больных кормят в соответствии с диетой, назначенной лагерным врачом.

18.

Рабочие лагеря – замечательные примеры того, что правительство может сделать для безработных. Это добровольные учреждения, которыми управляет исключительно немецкое правительство, и лагеря эти рассеяны по всей стране, всего их, как мне сказали, около 5000. В то время, когда я уехал из Германии, (август 1933 года), в них было больше 300 000 мужчин и женщин, работающих в различных сферах труда. В Бернау мне устроили экскурсию по лагерю, который содержал 276 мужчин, все из них занимались сельскохозяйственными работами. Они преобразовали старый завод в бараки, которые должны были стать будущей штаб-квартирой рабочих. В дополнение к полностью бесплатному проживанию и питанию каждый из рабочих получал 30 пфеннигов в день. Все мужчины, которых я видел, были здоровы. Дисциплина, хотя и строгая, не носила военного характера.

Цель этих рабочих лагерей состоит в том, чтобы поднять моральный дух людей, которые многие годы были безработными. В каждом лагере рабочий остается в течение 40 недель, и этот период может быть повторен по просьбе рабочего и с разрешения правительства. Предпочтение всегда отдается тем молодым людям, которые действительно с большой вероятностью станут в будущем фермерами. То, что я видел рабочие лагеря в различных частях Германии, убедило меня в том, что правительство делает превосходную работу, и британское правительство могло бы в этом подражать немецкому правительству, что принесло бы пользу обществу.

19.

Куда бы вы ни поехали на Континент, вы всюду встретите недоверие и разочарование. Страх вторжения безудержно растет во Франции. Этот страх характерен для Германии, Бельгии, Польши, России; он проникает в балканские страны, его можно найти даже в Америке. Кажется, что ни одна страна не мо-

жет избавиться от этого страха. Это не продукт фашизма, этот страх не является специфическим для демократии. Это может быть симптомом нашего механического века, страх перед противником, который изобретет какое-то легкое и чертовски смертельное оружие, которое уничтожит все население другой страны, не дав той возможности нанести ответный удар. Этот *недуг* лишь кратко упоминается в газетах, которые, в свою очередь, боятся позволить обществу узнать правду о политических проблемах и о возможности новой войны.

Всюду считается данностью, что наша профранцузская политика – правильная, что изоляции и окружения Германии нужно добиваться любой ценой. Мы, кажется, ничему не научились из опыта прошлого. Франция, эта истеричная молодая дамочка Европы, хочет «безопасности». Так ведь безопасности хотят также Германия и Англия, Бельгия и Россия, да и любая страна в мире. Почему же именно французская «безопасность»? Что насчет британской безопасности? Кто собирается гарантировать безопасность России, Польши, Чехословакии, Тибета и т.д.?

20.

Даже самому слабому интеллекту уже стало понятно, что, если целый мир должен был бы поддерживать Францию и предоставлять ей все, чего она требует в отношении безопасности, то это страна все еще настаивала бы на оружии и боеприпасах как на последнем средстве спасения. Франция хорошо знает, что она не может теперь положиться на обещания стран поддержать ее в ее рвении сохранить Версальский мир в неприкосновенности. Крик о безопасности не обманет даже самого большого глупца. Это французские интересы вооружения, защитить которые Франция требует от Великобритании.

Не требуется особо подчеркивать то, что Франция сейчас – самая могущественная страна в мире. И только она одна, если бы она чувствовала себя настолько убежденной, могла бы вторгнуться в Германию в любой момент и сослаться на Версальский мирный договор для того, чтобы овладеть любой важной точкой в Рейхе. А Англия не могла бы сослаться на Локарнский договор в ответ на ее действия. Сегодня французские самолеты могли бы разбомбить Берлин, Мюнхен, Гамбург, Рур, Ганновер и любой город в Рейхе, не боясь какого-то серьезного ответного удара со стороны немцев. Франция могла бы диктовать свои собственные условия. Короче говоря, Франция настолько сильна в военном отношении, что она и без чьей-то помощи могла бы сокрушить Германию в течение одних суток и после своих триумфов без очевидных потерь для ее силы возвышаться как самая сильная военная держава в Европе.

21.

Когда вы начинаете понимать разнообразные силы, действующие против Германии сегодня, с Германией, настаивающей на своем перевооружении, если другие не хотят разоружаться, то вас потрясет наглость утверждения, будто бы Германия будет ответственна за нарушение мира. Начиная с Мирных договоров, Франция проводила политику, которая во всех отношениях идентична той, которой она следовала до 1914 года – объединение огромных групп, чтобы поддержать ее собственные политические цели. Проеврейская Франция использовала все свое влияние, чтобы разрушить политические и экономические стремления антисемитской Германии. Германия покинула Лигу Наций, потому что эта организация больше не может рассматриваться как механизм, заботящийся о сохранении мира. Вся ее процедура, как доказали события, является слишком громоздкой и медленной, она не обладает никакими эффективными средствами для реализации своих полномочий.

22.

В первую очередь Германия хочет мира и дружбы с Францией в частности, и с миром вообще. Соглашение, которого она требует от Франции, должно быть основано на доброжелательности и понимании, в нем должно быть искреннее отношение к интересам друг друга, и положен конец той древней вражде, которая принесла такой огромный вред Европе. Очень жаль, что Франция отвергла предложение мирного договора, сделанное ей Германией. Причиной такого высокомерного тона ответа французов может быть соглашение Франции с Польшей.

У Германии нет никакой потребности в Лиге Наций в настоящее время, и ни при каких обстоятельствах она не восстановит свое членство в этой организации, пока Лига не удовлетворит ее требования. Ее отказ от Лиги – следствие отказа от равенства, подразумеваемого в отношении чрезвычайно сильно вооруженных государств в вопросе о разоружении. Требование Германии о практическом равенстве не означает, что Германия хочет тяжелые танки, тяжелые мобильные пушки, или бомбардировщики, или другое оружие, которое, согласно положениям предложенной Конвенции, будет отменено в будущем. Но это действительно означает, что Германия немедленно хочет то оружие, которое, имея оборонительный характер, будет определено сохранено в соответствии с конвенцией, и что она с самого начала хочет это оружие в количествах, достаточных для своей безопасности.

Довольно ясно, что, пока это равенство не будет обеспечено, международный контроль оружия будет односторонним делом, направленным против одной только Германии.

23.

Часто задают такой вопрос: Почему *невооруженную* Германию пригласили сидеть на консультациях с такими сильно вооруженными державами? То, что она согласилась на это, должно доказать ее добрую волю и желание достичь взаимопонимания. Германия приняла это, потому что она думала, что сможет сделать так, чтобы весь ее вес был ощутим в деле разоружения. Очевидно, что участие Германии сильно затруднило для мощных военных государств возможность просто уйти без каких-либо внешних признаков разоружения. Причина, по которой Германия отказалась далее участвовать в обсуждении, была довольно проста – в мае 1933 года произошел кризис на конференции по разоружению. Этот кризис был преодолен Германией, пошедшей на уступки в отношении реорганизации Рейхсвера. После этого конференция единодушно приняла план Макдональда как «основание для будущей конвенции по разоружению» (8 июня 1933 года). Эта резолюция пошла намного дальше, чем предыдущая резолюция, которая была принята вскоре после плана Макдональда.

Во время перерыва конференции по разоружению состоялись *секретные переговоры между правительствами военных сверхдержав, в которых Германию не пригласили участвовать*. Результатами этих переговоров были предложения, высказанные сэром Джоном Саймоном в его знаменитой речи 14 октября 1933 года. Как известно, эти предложения внесли полностью новый элемент в целый комплекс вопросов о разоружении в форме испытательного срока для Германии, и таким образом составили важное изменение плана Макдональда, *который только четыре месяца назад был единодушно принят конференцией во всех его главных положениях*.

Когда Германия столкнулась с этой сомнительной тактикой, у нее не было никакого другого выбора, кроме как сдаться и вновь начать переговоры *по вопросам, которые уже были урегулированы*, или же вообще покинуть Конференцию в убеждении, что такие методы переговоров никогда не приведут к реальному разоружению.

Германия покинула Конференцию по разоружению.

24.

С того времени, как все вышеупомянутое было написано, события в Германии очень усилили политическую и экономическую неуверенность в Европе. Окружение Германии – почти *совершившийся факт*. Эта страна теперь в политическом, экономическом, и культурном отношении отрезана от остальной части мира. Все мыслимые вопросы были приведены в беспорядок, и дискуссия сейчас бушует не о том, как предотвратить перевооружение Германии, поскольку перевооружение Рейха – уже предрешенный результат и реализация законного права, но о том, как все больше распространять евангелие ненависти и

возродить довоенные антигерманские союзы. Мы вернулись к плохим былым временам. Со времен войны Германии не давали ни малейшего шанса навести порядок в своем собственном доме.

Джентльмены, которые сделали Версальский мирный договор, должны теперь трудно и неистово думать о том, как лучше всего вытащить Германию из того самого беспорядка, который они сами и создали для этой страны. Не нужно быть особо проникательным, чтобы увидеть, что почти все современные проблемы Германии являются результатом самых неприятных и нежелательных пунктов Соглашения, и я, как сторонник немцев, никогда не перестану говорить об этом, пока справедливость по отношению к немецкому народу не будет восстановлена.

Насколько я понимаю сегодняшнюю ситуацию, Германия стоит перед альтернативой: либо сохранить свое отчужденное положение в стороне от остальной части мира, если она это сможет, и решать свою собственную судьбу силами своей собственной политической и экономической системы – как пария, отверженная среди наций Европы – либо же принять участие в будущем мира и помочь принести в него порядок и мир. Я сомневаюсь, что она сможет долгое время оставаться в одиночестве. Я сомневаюсь, что какая-то страна вообще может надеяться достигнуть чего-то достойного, оставаясь одной. Я уверен, что гегр Гитлер знает, что безумный национализм приведет мир в никуда. По моему мнению, нет большего преступления, чем заразить людей идеями собственного превосходства над всеми остальными. Распространение этой идеи среди народов уже принесло миру гигантский вред. Преувеличенное чувство национальной гордости всегда презирает человечество в целом.

Мы видели это во время последней войны, и эта доктрина втянула каждую нацию в самую страшную опасность. Ни одна нация сегодня не свободна от этой беды. Бесполезно обвинять Германию в этом комплексе, как слишком склонны делать некоторые из ее противников. «Национальности с взаимными претензиями» овладевают миром, и пока они доминируют в каждой проблеме, я вижу мало надежд на реализацию освобождения человечества. Они «иснасиловали» Всемирную экономическую конференцию, они разрушили Конференцию по разоружению. И они разрушат любой исполненный благих намерений политический и экономический вопрос и приведут к дальнейшему кровопролитию, если только они не будут сдержаны вовремя.

Гегр Гесс 8 июля 1934 года в своем выступлении на конференции партийных организаций национал-социалистов Восточной Пруссии призвал к откровенности. *Среди прочего*, он сказал:

«И я обращаюсь к фронтовым товарищам времён Мировой войны, на какой бы стороне они ни воевали: будьте честными! Да, мы испытывали когда-то гордое чувство, что мы – настоящие мужчины, солдаты, оторванные от повседневных

забот прошлой жизни. Мы даже чувствовали иногда радость от бытия, резко противоположного той изнеженности, которую несёт с собой современная культура и суперкультура. Мы чувствовали себя ценными людьми по сравнению с теми, кто вдалеке от фронта понятия не имел о том, что такое фронтовая судьба. Мы чувствовали себя защитниками жизни нашей нации, носителями её будущего.

Мы не раз наслаждались радостными и весёлыми часами, мы старались жить достойной жизнью каждую отпущенную нам минуту. Никто из нас не хотел бы забыть о времени, проведённом на фронте. Но будем честными! Мы испытывали ужас перед смертью, мы видели смерть в более страшном и сосредоточенном виде, чем кто-либо до нас. Мы сидели на корточках в блиндажах и, скрючившись, ожидали, когда нас разнесёт на куски. Мы в страхе замирали, когда слышали, как к нам с шипением приближалась граната, когда на нас сыпались мины. И сердце готово было выпрыгнуть их груди, когда мы напрасно искали укрытия от хлещущих пулемётных очередей. Мы думали, что задохнёмся в наших масках среди облаков газа. Мы ковыляли по заполненным водой окопам, мы мёрзли ночами в грязи воронок от гранат. Мы пережили дни и недели ужасов великой войны. Мы мёрзли и голодали, и часто были близки к отчаянию. У нас в ушах звучали крики тяжелораненых, мы видели, как корчатся отравленные газом. Мы встречали идущих на ощупь ослепших, мы слышали хрип умирающих. Посреди горы трупов наших товарищей мы теряли последнюю надежду на жизнь. Мы видели нищету беженцев, мы видели вдов и сирот, калек, больных детей и голодающих женщин. Будем честными! Разве каждый из нас не задавал себе вопрос – для чего всё это? Должно ли так быть? Можно ли в будущем избавить человечество от этого?!

Но мы держались! Мы держались, как люди долга, дисциплины и верности, как мужчины, презирающие трусость. Но сегодня я вспоминаю тогдашний вопрос и обращаюсь с ним, как с обвинением, к миру, **как фронтовик к фронтовикам, как руководитель народа к руководителям других народов – должно ли так быть? Можем ли мы вместе, при наличии доброй воли, избавить от этого человечество?»**

Как же мы ответим герру Гессу? Обычной ложью о нечестности Германии? Я надеюсь, что нет.

Библиотека Велесова Слобода, 2019 г.